

И ДОЛЬШЕ ВЕКА...

УВИДЕТЬ современный мир глазами простого труженика из числа тех, «на которых, как говорится, земля держится», показать через его судьбу противоречия времени — вот какую масштабную задачу поставил перед собой в романе «Буранный полустанок (И дольше века длится день)» Чингиз Айтматов.

Трудно определить жанровую природу этого произведения, одновременно эпического и лирически-проникновенного. Действие книги развивается в течение всего лишь трех суток (от смерти железнодорожного рабочего Казангала до его захоронения). Но пределами воспоминаний главного героя — Едигея Жангельдина — оно охватывает около полувека. Здесь внутренние монологи Едигея, впрочем, как и любое описание, накрепко слиты с авторской речью. Поэтому в целом роман и воспринимается как единый монолог то героя, то самого писателя. Внутренняя взволнованность пронизывает все произведение, пространственные границы которого раздвинуты от Сары-Озекских степных земель Казахстана до беспредельного космического пространства.

У читателя невольно возникает мысль, что перед ним не просто любопытная книга, но такое многогранное произведение искусства, которое по-новому, во временной перспективе, отображает нашу суровую и неповторимую эпоху. Именно поэтому «Буранный полустанок» вынуждает задуматься не только над тем, что и как изобразил автор, но, уже отвлекаясь от романа, подумать серьезно «о времени и о себе». Собственно говоря, такими чертами всегда обладало и обладает большое искусство.

Как же лучше подойти к анализу книги, как разобраться в ее многозначной сущности?

Тут, мне думается, надо прежде всего следовать за автором. Только уяснив с доступной полнотой существо его лирической и гражданственной взволнованности, разгадав характер в большинстве своем ме-

тафорически высказанных им мыслей, можно прийти к правильному пониманию авторского замысла и оценке общественно-эстетического значения произведения.

В данном случае Чингиз Айтматов намеренно идет навстречу читателю. Действительно, композиционное единство романа достигнуто многими отчетливо бросающимися в глаза средствами. Прежде всего это повторяющийся рефрен: «Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток...» Он каждый раз появляется тогда, когда действие или авторское отступление достигает высшего смыслового и эмоционального накала, когда один эпизод отделяется от другого не столько тематическим развитием, сколько лирическим настроением, следуя за логикой мыслей и чувств писателя. Последним обстоятельством можно объяснить и то, что рефрен не всякий раз звучит в конце главы и не всякий раз ее открывает. Вложенный в него внутренний смысл подчеркивает непрерывность движения времени и через ту крошечную точку в Сары-Озекских степях — через полустанок Буранный.

Волею автора он включен в цепь вполне реальных, строго мотивированных и вместе с тем фантастических событий. Что касается фантастического, то оно настолько органично сливается с реальным, что читатель — верит. Есть же в казахских степях Байконур, почему же там не поместиться еще одному космодрому? И вот с него, «разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма», стартуют ракеты, призванные сначала открыть, а потом навсегда закрыть пути к далеким мирам в окружающем Землю беспредельном пространстве. «Чтобы ниче-

го не изменилось в земных делах, чтобы все осталось, как есть».

Таково решение паритетной советско-американской комиссии, запретившей возвращаться на Землю двум космонавтам, самовольно установившим связь с инопланетной цивилизацией, которая искала контакта с землянами. Но мало того, ракеты-роботы должны застраховать Землю от встречи с любыми пришельцами из космоса. В этом заключалась целевая установка операции «Обруч».

В чем же причина отказа от контакта?

Да прежде всего в том, что не могло быть единства мнений у представителей двух различных общественных систем на Земле, что «дело стремительно катилось к столкновению, к взаимным угрозам, к таким конфликтам, которые, выйдя из-под контроля, готовы были неминуемо вылиться в мировую войну». В этих условиях «разум взял свое, стороны пришли к компромиссу — вынужденному и опять же на строго сбалансированной основе».

Стоит заметить, что и космическая линия сюжета тоже укладывается в трое суток. То есть ровно столько же времени прошло с тех пор, когда идущий на дежурство Едигей был поражен огненным стартом космического корабля, и до тех пор, когда он, похоронив друга, один остался в темнеющей степи с верблюдом Каранаром и псом Жолбарсом, преследуемый вулканическим грохотом и грозными багряными всполохами космического старта, обозначившего начало операции «Обруч».

Правоммерно ли поставлен и разрешен Чингизом Айтматовым космический конфликт, введенный в ткань предельно реали-

стического романа? На этот счет некоторые из критиков (так же, как и о древней легенде про манкуртов) дают отрицательный ответ. Однако если признать, что все это неправоммерно и даже стилистически не совсем органично для романа, то ведь тогда начисто перечеркивается замысел, содержание и весь глубоко философский смысл произведения.

Для получения верного ответа надо еще и еще раз глубже вникнуть в текст и подтекст романа.

Далеко не случайно, многими прямыми и ассоциативными нитями в этом высоко поэтическом произведении космическая тема и общее сюжетное развитие связаны с идущим из глубины веков преданием о чужеземных пришельцах жуаньжуанх, манкурте Жолмане, сыне Доненбая.

Чтобы превратить человека в автомат, безропотно и бездумно подчиняющийся воле господина, разбойники жуаньжуан обриту голову жертве, как обручем, стягивали верблюжьей кожей: «Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, не выдержав пытки, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в манкурта-раба, не помнящего своего прошлого», лишённого «понимания своего собственного «я».

Похороны Казангала должны были состояться на родовом кладбище Ана-Бейит, названном так в память о погребенной там матери героя легенды. Она тщетно пыталась спасти сына, но потерявший память манкурт сразил стрелой свою мать... И вот она стала медленно падать на землю, но прежде упал с головы ее белый платок, который превратился в воздухе в птицу и полетел с криком: «Вспомни, чей ты?.. Как твоё имя?.. Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!..»

Весьма примечательно: белая птица вновь появляется в финале романа. Сначала в виде реального коршуна-белохвоста, сопровождающего похоронную процессию, чтобы потом возникнуть в своем фантастическом облике. Она появляется именно тогда, когда, похоронив Казангала не на родовом кладбище, отошедшем к космодрому, а на случайном обрыве в степи, Едигей бросился бежать, преследуемый шквалом огня, адским грохотом и криком птицы: «Чей ты? Как твоё имя? Вспомни своё имя!..». «И долго еще разносился ее голос в сомкнувшейся тьме...»

Кроме того, символический образ жуаньжуаней и их жертвы — манкурта — напрямую связывается писателем с темой произвола и с образом ничтожного сына Казангала — Сабитжана. Это он, недоучка и порученец при небольших начальниках, разглагольствует на похоронах отца о «радиоуправляемых» людях: «Человек будет все делать по программе из Центра. Ему кажется, что он живет и действует сам по себе, по своей вольной воле, а на самом деле по указанию свыше». И все — по строгому распорядку. И вот, подумав Едигей, столкнувшись с бездушием лейтенанта Тансыкбаева у пропускной на космодроме, не управляет ли по радио Сабитжаном и подобными ему людьми некая невидимая и всемогущая сила «И чем больше думал старик Едигей об этом, тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей».

— Манкурт ты! Самый настоящий манкурт! — прошептал

он в сердцах, ненавидя и жалея Сабитжана.

Но сам Едигей вовсе не собирался мириться со случившимся. Герой романа даже из чувства самоуважения будет настаивать на своей правде.

Ана-Бейит как память народа о прошлом не должно быть уничтожено кварталом новостроек. Этому умозаключению Едигея посвящены самые последние строки романа. И мы вместе с автором верим, что он добьется своего, выстоит, как выстоял и прежде в самые нелегкие моменты испытания его духа.

Без осмысления четко очерченных в романе конфликтов нельзя до конца понять ни самого произведения, ни образа его главного героя Едигея. Только через преодоление жизненных препятствий, через преодоление самого себя в конкретных делах, как и в сокровенных мыслях, раскрывается могучая сущность человека. «Именно поэтому, — говорит в предисловии к роману Ч. Айтматов, — для меня было важно, обращаясь к проблемам, затронутым в романе, увидеть мир через его судьбу — фронтовика, железнодорожного рабочего. И я попытался это сделать в допустимой мне мере. Образ Буранного Едигея — это мое отношение к коренному принципу социалистического реализма, главным объектом исследования которого был и остается человек труда».

Нелегкий жизненный путь Едигея. Он проходит всю Отечественную войну и, еще не излечившись от контузии, оседает на полустанке Боранлы-Буранный. Вся его жизнь — тяжелый, но доставляющий удовлетворение труд. Труд, обеспечивающий непрерывное движение поездов «с востока на запад и с запада на восток...»

Поистине велики художественное мастерство и сила образительности Чингиза Айтматова, сливающего в одно целое прошлое и настоящее, время и пространство, эпос и лирику. Писатель органично включает в повествование не только запоминающиеся образы людей, но и одухотворяет природу, рисует незабываемые образы животных. Они выступают как ожившие символы. Таков прежде всего красавец верблюд Каранар, такова и рыба золотой мекре, пойманная Едигеем для своей жены Укубалы, а затем выпущенная в море. Можно смело сказать, что в изображении животных Айтматов сумел сказать новое слово вслед за Львом Толстым, Джексом Лондоном и Эрнестом Хемингуэем.

Однако за всеми чисто художественными отступлениями в романе всегда просвечивается главное. Каждая деталь, сама композиция произведения, любые сюжетные перипетии здесь служат гуманистическому утверждению коммунистической морали, персонализированному размышлению об истории и сегодняшнем дне, о смысле жизни и о ее главном носителе — незаметном и великом человеке труда. Созвучная духу нашего времени, книга Ч. Айтматова, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР, безусловно заслуживает этой высокой награды. Она включает читателя в сложный круг социально-философских, идейно-нравственных проблем нашего времени. Она приобщает его к высокому искусству чтения. И возвышает человеческую душу.

Николай ЛЕЙЗЕРОВ,
доктор философских наук, профессор.